

Абрамов Александр Юрьевич

протоиерей, магистр богословия, благочинный Покровского благочиния г. Москвы, настоятель храма святителя Мартина Исповедника в Алексеевской Новой Слободе г. Москвы;

аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

E-mail: martin655@yandex.ru

К 70-летию учреждения Болгарского подворья в Москве: обзор источников по истории подворья (1940–1950-е годы)

Важную роль в отношениях между православными церквами играют подворья – официальные представительства одних церквей на канонической территории других церквей, сейчас чаще всего – в их кафедральных городах. Подворья осуществляют духовное окормление диаспоры той церкви, которую они представляют, содействуют развитию студенческого обмена и других совместных проектов, а также, что особенно важно, поддержанию контактов между предстоятелями поместных православных церквей. С чисто формальной стороны подворье любой поместной православной церкви в Москве (их сейчас существует семь) юридически является подворьем патриарха Московского. Фактически же оно является подворьем поместной церкви. Что касается функционирования подворий, то все они сегодня функционируют как полноценные приходы, то есть как приходы, куда люди ходят независимо от их национальности и где совершаются, как и в других приходах, все те таинства.

Ключевые слова: Болгарская православная церковь, Болгарское подворье в Москве, Русская Православная Церковь, Московский патриархат.

25 марта 2004 года Священный синод Русской Православной Церкви утвердил Положение о подворьях поместных православных церквей – документ, регламентирующий различные стороны жизни представительств братских православных церквей при патриархе Московском и всея Руси.

Будучи благочинным церковного округа, где расположены несколько таких подворий, несколько лет назад я приступил к проведению исследований их истории. Эта работа оказалась настолько интересной, что я решил посвятить отдельное исследование истории Болгарского подворья в Москве. Такая работа мне представляется особенно важной в год 70-летия учреждения этого и нескольких других подворий в Москве. Этот юбилей отмечался 18 июля 2018 года. В работе представлен обзор архивных источников по деятельности настоятелей Болгарского подворья в Москве с 1948 по 1960 год.

В дореволюционный период в России действовали подворья целого ряда церквей: Константинопольской, Антиохийской, Иерусалимской, Сербской. Они существовали в Москве и занимались прежде всего сбором благотворительной помощи на нужды страждущего православного населения, на борьбу за свободу от турецкого засилья.

Русская Православная Церковь оказывала в XIX в. большую поддержку болгарскому православию. Например, отечественные духовные школы окончили многие видные иерархи и клирики Болгарской церкви. В частности, первый экзарх Болгарский Антим (Чалыков) окончил в 1856 г. Московскую духовную академию, где был рукоположен во иеромонаха святителем Филаретом (Дроздовым). Русская Православная Церковь была одной из самых активных общественных сил, позиция которых привела к вступлению России в войну с Турцией за освобождение Болгарии.

Тем не менее провозглашение независимости Болгарского экзархата спровоцировало в 1872 г. греко-болгарскую схизму, которая была преодолена только в 1945 г. В этот период независимая Болгарская церковь не признавалась поместными церквями, прежде всего Константинопольской. Стремясь сохранить нейтрально-примирительную позицию в разгоравшемся конфликте, российский Святейший синод предпринял ряд мер, направленных на преодоление изоляции Болгарской церкви, тем самым считая недостаточными причины для признания ее раскольнической. Святейший синод не признавал схизму 1872 года, о чем заявил в 1878 году, и с 1880 до 1915 года снабжал Болгарскую церковь святым миром, однако, принимая во внимание позицию Вселенского патриархата, Русская Православная Церковь не поддерживала полного канонического общения с Болгарским экзархатом.

Поэтому в период с 1872 по 1945 год в Русской Православной Церкви не было и не могло быть подворья Болгарского экзархата: между церквями не было евхаристического общения. История самой по себе идеи создания Болгарского подворья появляется именно в 1945 г. в связи с завершением греко-болгарской схизмы и установлением евхаристического общения между Русской и Болгарской православными церквями.

Еще в октябре 1944 года Софийский митрополит Стефан просил Священный синод Русской церкви о содействии в ее преодолении. 22 ноября 1944 года Синод обещал поддержку и посредничество при переговорах с Константинопольской патриархией. В феврале 1945 года в Москве во время торжеств по случаю интронизации нового патриарха Московского

состоялась беседа патриарха Алексия I с патриархами Александрийским Христофором и Антиохийским Александром III, а также с представителями патриарха Константинопольского митрополитом Фиатирским Германом и патриарха Иерусалимского архиепископом Севастийским Афинагором, на которой обсуждался «болгарский церковный вопрос». Результаты этих обсуждений патриарх Алексий I изложил в своем письме 20 февраля 1945 г. экзарху Болгарскому. Усилия Русской Православной Церкви увенчались успехом.

22 февраля 1945 года схизма была снята, а 25 февраля 1945 года греческие и болгарские архиереи впервые совместно совершили Божественную литургию. 13 марта представителям Болгарской православной церкви был вручен подписанный патриархом Вениамином и всеми членами Священного синода томос, которым отменялась схизма и признавалась автокефалия Болгарской православной церкви. Большой вклад в снятие схизмы внес патриарх Алексий I.

К сожалению, архивы Московской патриархии и отдела внешних церковных связей закрыты для исследования, в связи с этим работа с источниками была ограничена государственными архивами.

подавляющее большинство имеющихся материалов по данной теме хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фонде 6991 «Совет по делам Русской Православной Церкви».

Отправным документом ГАРФ по теме Болгарского подворья является справка председателя Совета по делам Русской Православной Церкви Георгия Григорьевича Карпова о пребывании делегации Болгарской православной церкви в Советском Союзе. Делегация находилась в России с 27 июня по 17 июля 1945 г.

Экзарх Болгарский Стефан в ходе этой поездки обратился с просьбой о назначении представителя при патриархе, получив от патриарха Алексия I обещание, что «будет решать вопрос о представительстве», но «только при установлении двусторонних церковных сношений» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 125–148.). Уже 3 ноября 1945 г. Алексий I писал экзарху Стефану: «Вопрос о храме для Вас в Москве стоит определенно в положительном смысле» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 16. Л. 218–218 об.).

В феврале 1947 г. в письме Карпову патриарх Алексий прямо упоминает о данном патриархией обещании главам нескольких поместных церквей открыть для них подворья в Москве (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 65. Л. 14). Их открытие предполагалось приурочить к Всеправославному совещанию в Москве, первоначально планировавшемуся на 1947 год. В докладе Совета по делам Русской Православной Церкви об итогах работы за 1946 год Г.Г. Карпов предлагал «рассмотреть представленные патриархом Алексием ходатайства, главным образом связанные с обеспечением проведения в сентябре 1947 г. санкционированного правительством Вселенского совещания... предоставить церкви в Москве, Ленинграде и Киеве для подворий заграничных церквей» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 78, 95–118). 5 июня 1947 г. Карпов со ссылкой на резолюцию Сталина обратился в Совет министров с ходатайством о выделении храмов под подворья (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 149. Л. 306–308) и потребовал их скорейшего освобождения от размещавшихся в них организаций. Храмы предполагалось сначала открыть для богослужений, а передать их церквам под подворья только «после полного освоения их русской общиной» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 65. Л. 31–32).

В связи с медленным продвижением дела 1 августа 1947 г. Карпов вынужден был обратиться в Совмин с повторным ходатайством об открытии подворий (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 150. Л. 28–30), предлагая при этом воздержаться от передачи подворий Александрийскому и Иерусалимскому патриархам в связи с их недоброжелательным отношением к Всеправославному совещанию в Москве. Зато Карповым было предложено предоставить Болгарской церкви подворье в Москве.

Наконец, Карпов 17 декабря 1947 г. в своем письме сообщил патриарху, что «разрешается организация в городе Москве храмов-подворий Антиохийского и Сербского патриархатов и Болгарской православной церкви» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 59. Л. 62–63), в связи с чем считал нужным «теперь же официально уведомить патриархов Антиохийской и Сербской церковей и экзарха Болгарской церкви и разработать согласованное с ними положение о храмах-подворьях» (там же).

Храмы выбирались по предложению патриарха, но, ввиду сокращавшихся сроков до совещания, определялись исходя из состояния зданий и затрат на их ремонт. Патриарх в одном из писем Карпову подчеркивал, что указанные им храмы «должны быть приведены в полный порядок ко времени совещания» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 65. Л. 14). В итоге подворья оказались не там, где планировалось изначально. Болгарское подворье впоследствии думали устроить в храме иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» на ул. Большая Ордынка, но в итоге в июле 1948 г. оно оказалось в храме Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах. Причиной этому было то, что этот храм после революции не закрывался и потому не нуждался в реставрации и каких-либо работах, а храм на Ордынке был занят Третьяковской галереей. Успенский храм был построен в 1654 г., он имеет редчайшие горельефные фигуры апостолов, изготовленные Степаном Полубесом. Церковь украшена поливными изразцами того же времени, составляющими цветной пояс, протянутый непосредственно под карнизом вдоль храма.

В 1948 году было выработано Положение о храмах, передаваемых автокефальным православным церквям, которое одобрено Совмином СССР 7 января 1949 г. (Письма патриарха Алексия I... С. 378–379). Примечательно, что в ходе обсуждения проекта Положения Валютное управление Минфина СССР предложило лишить подворья права перевода средств за границу (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 291. Л. 82), а Совет по делам Русской Православной Церкви отстаивал свободу церковных подворий, считая, что «политически нецелесообразно лишать автокефальные церкви возможности получать доходы от переданных в их пользование храмов» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 291. Л. 74–75).

В дни празднования 500-летия автокефалии патриарх Алексей I восстановил давнюю традицию служения в пределах Русской Православной Церкви подворий поместных православных церковей-сестер, являющихся официальным средством углубления взаимопонимания и сотрудничества между ними.

Торжественная передача храма Болгарской православной церкви состоялась 17 июля 1948 г., накануне открытия торжеств по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. На торжественной церемонии в присутствии экзарха Болгарского Стефана глава отдела внешних церковных сношений Московского патриархата митрополит Николай (Ярушевич) сообщил, что по благословию патриарха Алексия учреждается подворье Болгарской православной церкви в Москве. В своем слове он выразил

надежду на то, что этот храм будет служить живой связью между двумя церквями (*Передача подворий... 1948. С. 66*).

Таким образом, учреждение Болгарского подворья в Москве произошло в ходе визита в Москву делегации Болгарской церкви во главе с ее главой экзархом Стефаном. Сведения о процессе передачи храма для Болгарского подворья содержит докладная Карпова в Совмин и ЦК ВКП(б) «О совещании в Москве руководителей и представителей православных церквей, его итогах и перспективах зарубежной работы Московской патриархии» (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 290. Л. 121–129; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 8. Л. 99–107*).

Исследователь церковной Москвы покойный протоиерей Сергей Голубцов цитировал слова протоиерея Виктора Ипполитова, который вспоминал, что болгарские представители только возглавляли соборное богослужение по праздникам, живя в дипломатическом доме на шоссе Энтузиастов, и не вмешивались в административные и хозяйственные дела, которыми ведали настоятели и хозяйственники. Последние отчитывались перед патриархией, в основном перед возглавлявшим хозяйственное управление патриархии Данилой Андреевичем Остаповым. Так продолжалось до известной реформы 1961 г., передавшей почти всю власть старостам. Тогда болгарские представители взяли в свои руки бразды правления (*Голубцов, 2014. С. 26*).

Первым настоятелем Болгарского подворья стал протосингел Синода Болгарской церкви 39-летний архимандрит Мефодий (Жерев), впоследствии, по возвращении в Болгарию, ставший настоятелем Русского храма в Софии, а затем игуменом Рыльского монастыря. Архимандрит Мефодий прекрасно владел русским языком, изучив его еще в юности. Он был настоящим монахом и милосердным духовником, а также составителем жизнеописания святого праведного Иоанна Кронштадтского. Управляющий русскими православными приходами в Болгарии, недавно канонизированный святитель Серафим (Соболев) в письме Алексию I от 26 апреля 1949 г. упоминает о нем как об одном из своих учеников и «стойких борцов за св. православие» (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 92–99*). Протоиерей Всеволод Шпиллер писал о нем: «в высшей степени православный (...) человек, воспитанный в мистическом благоговении в отношении к Русской Церкви» (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 160*).

Имя архимандрита Мефодия как кандидата в настоятели Болгарского подворья было озвучено еще в 1947 году. В хранящейся в ГАРФ составленной в МИДе справке «О положении в Болгарской православной церкви» от 2 декабря 1947 г. архимандрит Мефодий назван одним из лидеров группы «прогрессивного низшего духовенства», которая была охарактеризована как «стоящая ближе к народу и впитавшая его традиционные русофильские чувства» (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 132. Л. 215, 219–229*).

В архивных документах упоминается визит архимандрита Мефодия в Москву, имевший место с 12 по 29 августа 1947 г. Цель визита обозначена так: «Для получения займа для болгарской церкви» (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 456. Л. 12*).

Этот же источник позволяет точно датировать время пребывания архимандрита Мефодия в Москве. В нем имеется запись: «Прибыл в составе делегации на церковные торжества и затем остался в Москве в качестве настоятеля болгарского храма-подворья. Возвратился на родину 6.II-1950». Таким образом, мы имеем точную хронологию пребывания архимандрита Мефодия на должности главы подворья: 18 июля 1948 года – 6 февраля 1950

года. Краткость его пребывания в Москве обусловлена тем, что в результате конфликта с Синодом в сентябре 1948 года экзарх Стефан покинул свой пост (Суханов, 2009. С. 180–215). Болгарскими чиновниками, курирующими церковь, отец Мефодий воспринимался как его сподвижник, и они поспешили предпринять усилия, чтобы архимандрит Мефодий был отозван в Москву. Соответствующая инициатива была поддержана Советом по делам Русской Православной Церкви.

В ходе беседы с послом Болгарии в СССР Стеллой Благоевой, состоявшейся 1 сентября 1949 г., глава этого совета Георгий Карпов сослался на будто бы имевшуюся просьбу патриарха Алексия информировать правительство Болгарии о целесообразности отзыва Мефодия из Москвы. Однако, если мы обратимся к одному из писем самого патриарха Алексия в совет, то увидим, что он ничего не знал о планах смещения архимандрита Мефодия и тем более не поддерживал эти планы (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 73. Л. 50). Карпов сказал Благоевой, что архимандрит Мефодий продолжает, в обход Синода Болгарской церкви, поддерживать контакты с опальным митрополитом Стефаном, чем якобы ставит патриарха Алексия «в неудобное положение» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 250–256).

23 ноября 1949 г. датировано письмо Карпова Клименту Ефремовичу Ворошилову и заместителю министра иностранных дел СССР Андрею Андреевичу Громыко с приложением копии записи беседы с Благоевой (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 454. Л. 118–122). Там сообщалось, что на имя архимандрита Мефодия дипломатической почтой поступил пакет, где оказались «фашистские церковные брошюры периода 1935 года», о чем сразу же доложили в Софию.

В письме совета в МИД СССР от 27 декабря 1949 г. цитируется письмо протоиерея Всеволода Шпиллера, в котором он информировал патриарха Алексия, что, когда от Дирекции вероисповеданий Болгарии, а это был аналог советского Совета по делам религий, в Синод Болгарской церкви поступило представление об отзыве Мефодия как провинившегося в «ненормальном поведении» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 214–216), болгарский Синод отказался тогда отозвать архимандрита Мефодия ввиду «некоторой сомнительности мотивов» и необходимости получения выраженного согласия патриарха. Дирекция в ответ оказала давление на Синод, сказав, что «согласие уже имеется» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 214–216). Более того, Карпов даже направил в правительство Болгарии рекомендацию «повременить с его хиротонией в епископы и тем более в митрополиты (п. 9)» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 151–154). Поэтому архимандрит Мефодий так и не стал епископом.

Согласно записи встречи 23 ноября 1949 г. Карпова с Благоевой, она представила согласованные Дирекцией вероисповеданий с Синодом кандидатуры новых сотрудников Болгарского подворья – настоятеля архимандрита Максима (Минкова, будущего патриарха Болгарского) и его помощника, женатого священника Ивана Караджова. Оба они были рекомендованы совету как «лица с прогрессивными взглядами». Архимандрит Максим характеризуется как человек «из бедной крестьянской семьи», который «во время пребывания в университете дружил с прогрессивным студенчеством», а священник Иван Караджов – член Компартии Болгарии, отчислившийся из семинарии за членство в болгарском комсомоле и антифашистскую деятельность. Симпатии совета первоначально склонялись к священнику-коммунисту, которого хотели продвинуть на пост секретаря

Синода Болгарской церкви (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 576. Л. 189–190). Караджов был активистом обновленческого Союза священников, о чем говорится в записи беседы зампреда совета Бельшева с протоиереем Всеволодом Шпиллером 7 февраля 1950 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 731. Л. 33–42).

В Центральном государственном архиве Болгарии (Централен държавен архив – ЦДА) также хранятся источники по служению Мефодия Жерева в Москве. В отдельной папке – переписка с Московским патриархатом. Эти документы свидетельствуют, что архимандрит Мефодий проявлял активность в контактах с Москвой еще до своего назначения представителем: в 1946 и 1947 гг. он предоставлял патриарху по его просьбе доклады о католической пропаганде в Болгарии и экуменическом движении, в 1946 г. – о положении славянских монастырей на Афоне. Участвовал в подготовке Всеправославного совещания 1948 года в Москве и выступил на нем с докладом о положении славянских монастырей на Афоне (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 24–25).

За 1949 г. в одной из папок болгарского архива отложились письма болгарского МИД в Синод Болгарской церкви, что работа архимандрита Мефодия может способствовать укреплению отношений между двумя церквями и странами (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 1–2), здесь же мы находим проповедь архимандрита Мефодия от 2 октября, в канун Дня мира (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 10–13), а также его письмо от 4 сентября заместителю-председателю Синода митрополиту Врачанскому Паисию с выражением озабоченности по поводу своего отзыва (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 29–32), письмо о кандидатурах новых сотрудников подворья от 28 октября (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 3–4), письма архимандрита Мефодия главе Дирекции по делам вероисповеданий Павлу Тагарову от 18 ноября о передаче книг (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 16–20) с выражением озабоченности слухами о своем отзыве из Москвы (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 21).

В болгарском архиве отложилась копия письма от 11 января 1950 г. заместителя-председателя Синода митрополита Врачанского Паисия на имя патриарха Алексия о предложении болгарского Синода назначить новым настоятелем московского подворья архимандрита Максима, а его помощником назначить Благоговейного священника Ивана Караджова (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 5). Письма после 6 февраля относятся уже к периоду, когда архимандрит Мефодий вернулся в Болгарию: письмо от 1 марта Павлу Тагарову с оправданиями по поводу выдвинутых против него обвинений (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 26–27), письмо от 18 мая о полученной от патриарха Алексия благожелательной телеграмме (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 28.) и о теплом ответе патриарха на его пасхальное поздравление (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 6). Письмо архимандрита Мефодия председателю Совмина Болгарии Червенкову содержит рассказ об инциденте с отказом вернуть ему изъятый болгарскими властями багаж, поступивший из Москвы: иконы у него конфисковали, и он просил передать ему хотя бы рукописи (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. е. х. 391. Л. 7–9). Все эти детали рисуют картину положения, в котором оказался архимандрит Мефодий по возвращении в Москву.

Прибытие в Москву архимандрита Максима (Минкова) и священника Караджова в начале мая 1950 года было заметным событием для церковной Москвы. 8 мая 1950 года они были приняты патриархом, после чего в сопровождении благочинного протоиерея Павла Цветкова приехали на Болгарское подворье, где их ввел в курс дел назначенный патриархией по-

сле отъезда архимандрита Мефодия и. о. настоятеля протоиерей Николай Михайлов (1891–1950). Этот московский священник скончался уже 2 сентября 1950 года и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

Совет по делам Русской Православной Церкви был недоволен поведением священника Ивана Караджова в Москве. Уже в письме от 24 января 1951 г. на имя заместителя министра иностранных дел СССР Лаврентьева Карпов предложил отозвать его в Болгарию, а на подворье оставить одного только архимандрита Максима (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 7–8*). В письме из МИД Болгарии Карпову данная идея получила поддержку (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 39–40*). Нельзя забывать, что до середины 1950 годов Георгий Карпов, будучи главой совета, возглавлял «курировавший» церковью отдел в МГБ, который имел возможность слежки за церковными представителями.

Карпов в данный период вообще склонялся к мнению о целесообразности упразднения Болгарского подворья. «Открытием этого подворья, – писал он, – имелось в виду закрепить связи между Русской и Болгарской православными церквями, а главное оторвать б[ывшего] экзарха Стефана от экуменистов. Цель эта была в известной мере достигнута» (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 841. Л. 7–8*). Карпов писал, что в Московской патриархии уже «не видят никакой практической целесообразности в дальнейшем существовании подворья, и если Московская патриархия не ставит об этом вопрос официально, то из чисто тактических соображений» (*Власть и церковь в Восточной Европе. С. 652*).

Тем не менее во многом благодаря позиции патриарха Алексия подворье было сохранено как важная часть международного имиджа Болгарской церкви и в какой-то мере и самой Болгарии. В секретной справке посольства СССР в Софии Московское подворье возглавляет список представительств и общин Болгарской православной церкви за границей (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 842. Л. 2–11*).

Расширить штат представительства пытался будущий патриарх Болгарский Кирилл, который еще до патриаршества, в 1952 г., просил председателя ОВЦС митрополита Крутицкого Николая (Ярушевича) «принять в храм-подворье Болгарской церкви в Москве 1–2 священников на перевоспитание», отмечая, что пребывание в Москве Караджова сильно умерило его былые обновленческие взгляды и критическую настроенность по отношению к Русской церкви (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 872. Л. 202–204*).

В записке, составленной в Совете по делам Русской церкви 6 ноября 1952 г., говорится о планах рекомендовать архимандрита Максима в епископы (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 988. Л. 139–142*), а в справке того же ведомства от 19 сентября 1953 г. отмечено мнение избранного в том же году Болгарского патриарха Кирилла, согласно которому «ему можно уже поручить более ответственную работу» (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1101. Л. 152–156*).

Архимандрит Максим сопровождал митрополита Крутицкого Николая во время его визита в Болгарию в мае 1952 года, участвовал во всех встречах, осуществлявшихся в ходе визита.

В 1953 году в Болгарской православной церкви было восстановлено патриаршество – древнее украшение и честь этой церкви. Русская Православная Церковь в числе первых признала восстановление Болгарского патриаршества и во многом содействовала признанию его во всем православном мире.

Накануне отъезда архимандрита Максима, 19 сентября 1955 г., патриарх Алексей писал Карпову: «Архимандрита Максима хорошо бы отметить вниманием и с Вашей стороны: вполне приличный и скромный представитель Болгарской церкви. Я ему предполагаю дать добрый письменный отзыв об его пребывании у нас и подарить панагию, как будущему, несомненно, и в ближайшее время, епископу» (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 127. Л. 56–57 об). Высокую оценку личности архимандрита Максима как представителя Болгарской православной церкви дал в письме от 6 сентября 1955 г. на имя патриарха Болгарского Кирилла патриарх Алексей: «В продолжение шестилетнего предстояния в Москве предстоятелем подворья Высокопреподобный архимандрит Максим показал себя достойным представителем Болгарской церкви и болгарского народа. Скромный в своих внешних проявлениях, внутренне исполненный сознания своего долга, он снискал искреннюю любовь церковных кругов Русской Православной Церкви и уважение общности» (*Церковен Вестник*, 1971. С. 25). В письме от 17 ноября 1955 г. патриарх Алексей писал: «Мы ценим его как благочестивого священнослужителя, которого высоко ценила и возлюбила и паства Болгарского подворья. Он всегда был... безукоризненным носителем своего сана» (*там же*).

В ГАРФ отложились машинописные копии писем архимандрита Максима (Минкова) главе ОВЦС митрополиту Николаю (Ярушевичу) от 6 февраля 1956 г. с выражением благодарности за заботу во время служения в Москве (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 2). В этом же архиве мы находим и письмо патриарха Болгарского Кирилла патриарху Алексию от 22 июля 1955 г. о назначении архимандрита Максима генеральным секретарем Священного синода Болгарской православной церкви (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 164. Л. 228–228 об).

В должности генерального секретаря Синода и после хиротонии во епископа Браницкого владыка Максим поддерживал отношения с Карповым, которого ежегодно лично поздравлял с гражданскими праздниками (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 217. Л. 80).

В упомянутом мной ранее болгарском архиве также сохранилась переписка, касающаяся пребывания архимандрита Максима в Москве. Так, здесь имеется письмо от 18 декабря 1950 г. о размере зарплат клирикам подворья (10 тыс. рублей в месяц у архимандрита Максима и 8 тыс. у священника Караджова), о предоставлении патриархией им бесплатного жилья, о положении церкви в СССР, ее правовом статусе и доходах (ЦДА. Ф. 165. Оп. 9. Д. 390. Л. 1).

В этом же архиве отложились документы, связанные с визитом в Москву наместника-председателя Синода митрополита Пловдивского Кирилла в 1951 г. (ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 68. Л. 2). Патриарх в ходе визита посетил Болгарское подворье. В одном из документов содержится замечание митрополита Кирилла, что «настоятель подворья зарекомендовал себя положительно не только в церковных кругах, но и имеет хорошие отзывы со стороны общности» (ЦДА. Ф. 165. Оп. 4. Д. 68. Л. 3).

Рассмотрим источники по настоятельству в Болгарском подворье архимандрита Афанасия (Бончева). Он являлся выпускником Софийской семинарии, богословского факультета Софийского университета и философского факультета университета в Марбурге, где специализировался в области славистики и византистики, получив в 1945 г. степень доктора философии, а по возвращении преподавал немецкий язык в Софийской семинарии.

В ГАРФ отложились машинописная копия письма патриарха Болгарского Кирилла патриарху Алексию от 22 июля 1955 г. о назначении архимандрита Афанасия на должность настоятеля Болгарского подворья в Москве (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 164. Л. 228–228 об) и не отмеченный конкретной датой машинописный проект письма патриарха Алексия патриарху Болгарскому Кириллу с извещением о готовности принять его (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 164. Л. 248). Данному назначению посвящена статья в № 12 «Журнала Московской Патриархии» за 1955 г. (Назначение нового настоятеля... 1956). Однако архимандрит Афанасий вскоре после назначения в Москву заболел и вынужден был отбыть на родину, что прослеживается в статье «Журнала Московской Патриархии». В ГАРФ отложилось письмо патриарха Алексия патриарху Болгарскому Кириллу от 4 января 1956 г. о его прибытии в Москву, где в то же время сообщается о целесообразности его возвращения на родину для прохождения лечения (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 1).

После возвращения в Болгарию до 1960 г. архимандрит Афанасий (Бончев) был насельником в Бачковском монастыре, а в период до 1976 г. работал старшим научным сотрудником в отделе рукописей и старопечатных книг в Церковном историко-археологическом музее при Священном синоде. Скончался 29 июля 1978 г., оставив после себя ряд трудов по общественным и церковно-историческим вопросам, публиковавшихся как в «Церковном вестнике», так и в «Журнале Московской Патриархии».

В заключение рассмотрим источники по периоду настоятельства в московском подворье архимандрита Антония (Костова). В ГАРФ отложилась машинописная копия письма патриарха Болгарского Кирилла патриарху Алексию от 30 мая 1956 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 38) с извещением о назначении архимандрита Антония (Костова) на пост настоятеля Болгарского подворья в Москве, а также ответное письмо патриарха Алексия патриарху Болгарскому Кириллу от 19 июня 1956 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 39) о готовности принять архимандрита Антония на служение во главе болгарского церковного представительства.

Биографические сведения об архимандрите Антонии содержатся в двух машинописных справках, хранящихся в ГАРФ: в подготовленном в Совете по делам Русской Православной Церкви материале «Биографические сведения о настоятеле Болгарского подворья в Москве архимандрите Антонии» от 27 декабря 1956 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 188. Л. 306) и в материале члена Совета по делам Русской Православной Церкви, отвечавшего за внешние связи церкви, Г.Т. Уткина «О новом настоятеле Болгарского подворья в Москве архимандрите Антонии (Костове)» от 20 марта 1957 г. (ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 215. Л. 38).

Первая из этих справок излагает биографию и послужной список клирика. Архимандрит Антоний (Костов) родился 23 сентября 1915 г. Выпускник Софийской семинарии, он в 1941 г. окончил богословский факультет Софийского университета и «некоторое время специализировался на евангелическом факультете в Берлине». 23 июля 1942 г. принял монашество, 30 августа того же года рукоположен во иеродиакона, а 30 октября 1943 г. – во иеромонаха. В 1947 г. иеромонах Антоний был возведен в сан архимандрита. По возвращении из Германии последовательно занимал должности протосингела Драмской митрополии в Греции и Неврокопской митрополии в Болгарии, ректора Богословского института в Черепишском монастыре и инспектора Софийской духовной академии им. св. Климента Охридского.

Справка главы международного отдела совета Г.Т. Уткина сфокусирована на моментах его устройства в СССР. Здесь упоминается, что он прибыл в СССР в 1956 г., «в настоящее время проживает в Московской области, ст. Переделкино, на даче патриарха Московского и всея Руси Алексия». Уткин отмечал, что «архимандрита Антония устраивает отдельная двухкомнатная квартира с удобствами». Квартира была предоставлена Московской патриархией при содействии совета.

Архимандрит Антоний (Костов) в своем письме Г.Г. Карпову от 24 апреля 1958 г. упоминает об умиротворении конфликта с клириком подворья на Болгарском подворье, улаженного при личном посредничестве патриарха Алексия I. Письмо содержит ходатайство о снисхождении к протоиерею Константину Ивановичу Архангельскому (*ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 243. Л. 43*), который с 1950 г. был исполняющим обязанности настоятеля храма, где располагалось подворье, и закончил свою жизнь в 1969 году настоятелем храма Воскресения Христова в Сокольниках (*Голубцов, 2004. С. 62*). Сам архимандрит Антоний в 1960 году был отозван в Болгарию, где возглавил культурно-просветительный отдел Священного синода. 16 декабря 1962 года он был рукоположен в викарного епископа Проватского; в 1977 году стал викарием Видинской митрополии, а в 1995 году – викарием Софийской епархии. Скончался 13 апреля 2002 года.

Литература

Государственный архив Российской Федерации. Фонд 6991. Оп. 1. Д. 16, 132, 149, 150, 290, 291, 576; Оп. 2. Д. 59, 65, 66, 73, 164, 188, 215, 217, 243, 456.

Власть и церковь в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы российских архивов: в 2-х т. – М.: РОССПЭН, 2009. Т. 1: 1944–1948 гг. – 887 с. Т. 2: 1949–1953 гг. – 1223 с.

Голубцов С. Церковная Московия 1935–1965 гг. // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. – С. 5–63.

Назначение нового настоятеля подворья Болгарской Православной Церкви в Москве // Журнал Московской Патриархии. 1955. № 12.

Некролог // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 11.

Передача подворий автокефальным Православным Церквам // Журнал Московской Патриархии. 1948. № 8.

Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Документы российских архивов: в 2 т. / Сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко. – М., 2009.

Суханов Ф. В. Церковь и государство в Болгарии: середина 1940-х – начало 1950-х гг. : дис. ... канд. ист. наук / Суханов Федор Владимирович. – Краснодар, 2009.

Църковен Вестник. София. 1971. №11. С. 25.

Aleksandr Y. Abramov

Archpriest, Master of Theology, Rural dean of the Pokrovsky Deanery of Moscow, Prior of the Church of St. Martin the Confessor in Alekseevskaya New Sloboda of Moscow Post-graduate, Saints Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies

Address: bldg. 1, 4/2 Pyatnitskaya St., 115035 Moscow, Russian Federation
E-mail: martin655@yandex.ru

To the 70th anniversary of the establishment of the Bulgarian Compound in Moscow: a review of sources on the history of the Compound (1940–1950)

An important role in the relations between the Orthodox churches is played by the farmsteads – the official representative offices of some churches on the canonical territory of other churches, now most often in their cathedral cities. The monasteries provide spiritual support for the diaspora of the church they represent, promote the development of student exchanges and other joint projects, and also, which is especially important, the maintenance of contacts between the primates of local Orthodox churches. On the purely formal side, the compound of any Local Orthodox Church in Moscow (there are now seven of them) is legally the compound of the Patriarch of Moscow. In fact, it is a compound of the local church. As for the functioning of the courtyards, all of them today function as full-fledged parishes, that is, as parishes, where people go regardless of their nationality, and where all those sacraments are performed, as in other parishes.

Keywords: Bulgarian Orthodox Church, Bulgarian Compound in Moscow, Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate.

References

Appointment of a new abbot of the Bulgarian Orthodox Church in Moscow. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 1955, no. 12.

Golubtsov S. *Church Muscovy 1935–1965*. Church history herald, 2004, no. 11, pp. 5–63.

Letters of Patriarch Alexy I to the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars – the Council of Ministers of the USSR. Documents of Russian archives. Comp. O. V. Lavinskaya, K. G. Lyashenko. Moscow, 2009.

Obituary. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 1969, no. 11.

Power and church in Eastern Europe. 1944–1953. Documents of Russian archives. Moscow, ROSSPEN, 2009, Vol. 1: 1944–1948, 887 p., Vol. 2: 1949–1953, 1223 p.

State Archive of the Russian Federation. Foundation 6991. Op. 1. D. 16, 132, 149, 150, 290, 291, 576; Op. 2. D. 59, 65, 66, 73, 164, 188, 215, 217, 243, 456.

Sukhanov F.V. *Church and State in Bulgaria*: Candidate dissertation. Krasnodar, 2009.

Transfer of farmsteads to autocephalous Orthodox Churches. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 1948, no. 8.